

**КАЧЕСТВЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ФОРМАТ
СЕЛЬСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МОНИТОРИНГОВ:
ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?***

Обосновывается необходимость для сельско-социологических исследований если не качественно-количественного формата мониторинговых проектов, то хотя бы дополнения массовых опросов (в рамках мониторингов состояния сельских территорий) повторными кейс-стади в сельских районах. Таким образом, социологические мониторинги развития сельских территорий стали вполне распространенной исследовательской практикой, но выполняют обычно вспомогательно-иллюстративную функцию по отношению к статистическим данным, а потому редко оказываются в центре методических дискуссий, тогда как массовые опросы, напротив, часто ставятся под сомнение по критериям методической оснащенности и надежности работы интервьюеров. Вместо бесконечных и вряд ли имеющих завершение споров о том, кто виноват в прогностических провалах массовых опросов и что делать с политической ангажированностью руководителей социологических центров и/или безответственностью и недостаточной подготовкой интервьюеров, представляется оправданным поиск вариантов разумного сочетания качественно-количественных методических решений, когда обращение к «мягким» методикам полевой работы позволяет уточнить и проверить масштабные социологические обобщения. Так, опора на статистические данные и результаты опросов общественного мнения позволяет контекстуализировать локальные полевые исследования и скорректировать интерпретации затухания и возрождения предпринимательской активности в сельских районах. Кроме того, качественные мониторинги помогают реконструировать и отследить изменения субъективного измерения макроэкономической картины, например, показывая, как неэффективность формальных социально-экономических институтов (хорошо улавливается количественными показателями) компенсируется инструментами неформальной экономики (сети взаимной поддержки и альтруистичной взаимопомощи, формы и мотивы низовой мобилизации в социально-экономических и культурно-просветительских целях и тому подобное могут быть описаны только с помощью «мягких» методик исследовательской работы).

Ключевые слова: мониторинг, массовые опросы, кейс-стади, возможности и ограничения эмпирических исследований, сельские респонденты, сельские предприниматели, сельские сообщества, качественный и количественный подход.

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

QUALITATIVE AND QUANTITATIVE FORMAT OF RURAL AND SOCIOLOGICAL MONITORINGS: OPPORTUNITY OR NEED?

The need for rural and sociological researches if not qualitative and quantitative format of monitoring projects is constantiated, and then the addition of mass polls (within monitoring of the condition of rural territories) repeated a case-study locates in rural areas. Thus, sociological monitoring of development of rural territories became quite widespread research rule, but carry out usually auxiliary and illustrative function in relation to statistical data, and therefore seldom appear in the center of methodical discussions whereas mass polls, on the contrary, are often called into question by criteria of methodical equipment and reliability of work of interviewers. Instead of infinite and hardly the disputes on the one having end who is guilty of predictive failures of mass polls and what to do with a political involvement of heads of sociological centers and/or irresponsibility and insufficient training of interviewers, search of options of reasonable combination of qualitative and quantitative methodical decisions when the appeal to "soft" techniques of field work allows to specify and check large-scale sociological generalizations is represented justified. So, the support on statistical yielded and results of polls allows contextualizing local field researches and to correct interpretations of attenuation and revival of enterprise activity in rural areas. Besides, high-quality monitoring help to reconstruct and trace changes of subjective measurement of macroeconomic picture, for example, showing as the inefficiency of formal social and economic institutes (it is well caught by quantitative indices) is compensated by tools of informal economy (the network of mutual support and altruistic mutual aid, the form and motives of local mobilization in social and economic and cultural enlightenment the purposes and so forth can be described only by means of "soft" techniques of research work).

Keywords: monitoring, mass polls, case-study, opportunities and restrictions of empirical researches, rural respondents, rural businessmen, rural communities, high-quality and quantitative approach.

В последние годы мы постоянно наблюдаем медийные атаки на одни социологические мониторинги (как правило, по электорально-политической тематике) и практически полное игнорирование других проектов (повторных кейс-стади в сельской глубинке). Социологические данные оказываются в фокусе общественных дискуссий по причине якобы неправильных прогнозов, некорректных оценок, политически ангажированных формулировок вопросов и ответов, необъективных заме-

ров, нерепрезентативных выборок и т. п., т. е. речь идет только о количественном подходе (массовых опросах). Он стал объектом медийной критики как причина общественного недоверия к социологическим данным, что заставило профессиональное сообщество выступать в аналогичном духе обвинений некомпетентных интерпретаторов результатов опросов (приравнивают социологию к демоскопии, электоральные опросы – к инструменту управления массовым сознанием, отклонение результатов голосований от прогнозов социологов – к профнепригодности последних и т. д.) и создавать специальные площадки для дискуссий на сайтах социологических ассоциаций и научных журналов.

Особенность нынешних споров о возможностях и ограничениях социологических методик – отказ от прежнего противопоставления количественного и качественного подходов и переход к обсуждению качества данных, под которыми в большинстве случаев понимаются формализованные показатели массовых опросов (в западной традиции ситуация несколько иная – обсуждаются и критерии оценки неформализованных данных (см., напр. [30; 33; 34])). Тематику отечественных социологических дискуссий с 2000-х годов формируют несколько вопросов: методические аспекты эмпирической работы (новые технологии сбора данных, в частности онлайн-опросы, фиксация поведенческих паттернов, технологии «больших данных» и т. д. (см., напр. [32]) и варианты методического аудита (см., напр. [17]) с акцентом на необходимости все большей стандартизации исследовательских процедур (см., напр. [16; 18]) (складывается впечатление, что все чаще «виноватыми» в проблемах опросного метода объявляют полевых интервьюеров – как злостных и искусных фальсификаторов не только данных, но и процессов сбора информации, поэтому их нужно постоянно учить и инструктировать, а также бесконечно контролировать, в том числе с помощью цифровых технологий).

Проблема нынешних социологических дискуссий в том, что они, как правило, рассматривают массовые формализованные опросы как универсальный измерительный инструмент. Действительно, они применяются везде и всегда, поскольку заказчики обычно просят «сделать социологию», понимая под таковой исключительно опросы общественного мнения по жестко формализованной анкете, состоящей из многократно апробированных вопросов и ответов (за последние десятилетия изменилась лишь процедура массовых опросов – поквартирное анкетирование сменилось телефонным интервью). У массовых опросов есть два значимых ограничения, влияющих и на их восприятие общественным мнением, которое они призваны «диагностировать»: с одной стороны, опросы предоставляют в распоряжение социологов лишь подтверждения устойчивых социальных стереотипов, которые постоянно подкрепляются (и формируются) средствами массовой информации; с другой стороны, социологи часто спрашивают респондентов о том, о чем они не задумываются в повседневной жизни, но давление феномена социаль-

ной желательности заставляет людей давать ответы, ориентируясь на «подсказки» интервьюеров, и в итоге социологи имеют дело с «эмерджентными» переменными. В обоих случаях мы рискуем получить тривиальные или предсказуемо социально одобряемые ответы, публикация которых запускает очередной виток медийных дискуссий о бесполезности социологической работы. Этот миф поддерживается и тем, что социологи редко раскрывают методическую «кухню» массовых опросов, ссылаясь на коммерческую тайну, запрет заказчика и авторские права, но чаще все же имея в виду методическую некомпетентность широкой аудитории. Применительно к количественному подходу последнее оправдание действительно обоснованно, но тогда возникает вопрос: как можно повысить общественное доверие к социологическим данным?

Выход из сложившейся ситуации, по крайней мере в рамках сельско-социологических исследований, видится в расширении понятия «мониторинг» за пределы формализованных массовых опросов, что позволит дополнить их «живыми» повествованиями информантов, полученными с помощью неформализованных и полужформализованных методик, – тогда и социологи, и широкая аудитория смогут через самоописания сельских респондентов увидеть, какие жизненные обстоятельства стоят за бесстрастно фиксируемыми числовыми показателями массовых обследований. Речь идет не о том формате методического аудита опросов общественного мнения, когда, например, в ходе телефонных интервью фиксируются особенности коммуникативной ситуации сбора данных – вербальное взаимодействие интервьюеров и респондентов – с помощью автоматизированной системы аудиозаписи. Такие параданные позволяют отслеживать коммуникативные сбои (содержательные сложности вопросов и вариантов ответа) и, опираясь на высказывания респондентов, частично объяснять причины этих сбоев, т. е. параданные и транскрипты интервью выступают инструментом валидации эмпирической информации (своего рода методная триангуляция на стадии ее анализа (см., напр. [28; 31])).

Например, в мониторинговом проекте на тематике продовольственной безопасности (телефонные опросы были проведены в 2015 и 2017 гг. [23]) респондентам задавались достаточно простые вопросы о повседневных потребительских и продовольственных практиках, включая самообеспечение в личных подсобных хозяйствах, а также вопросы о необходимости Доктрины продовольственной безопасности России и запрета продовольственного импорта. Транскрипты самых длительных телефонных интервью позволили узнать аргументацию респондентов при выборе ответов из предлагаемых списков или формулировке собственных вариантов. Так, необходимость запрета продовольственного импорта они объясняли опасностью зарубежных продуктов для здоровья, возможными негативными геополитическими последствиями «продоволь-

ственного доверия» другим странам и патриотической сознательностью (поддержка российских производителей и экономики) (см., напр. [21]).

Когда речь заходит о мониторингах, подразумеваются, в первую очередь, повторные исследования, предоставляющие информацию о количественных характеристиках социального явления в динамике, и формализованный инструментарий (единая система показателей и методика) упрощает оценку изменений объекта и проведение сравнительного анализа, поэтому мониторинги – важный инструмент оценки экономической и социальной эффективности государственных программ и проектов. В социологии мониторинги, как правило, выполняют задачу сопоставления социальных установок и ценностных ориентаций разных поколенческих и иных групп как внутри одного региона или страны, так и в рамках кросс-культурного подхода (см., напр. [1; 22; 26]). Поскольку заказчиков и исследователей обычно интересуют широкомасштабные сопоставления, сравнительный анализ в таких проектах основывается на количественных данных (см., напр. [29; 35]), что требует унифицированной операционализации понятий, единых методик сбора и анализа данных, единой модели выборки и лингвистической эквивалентности инструментария.

Безусловно, последняя не гарантирует валидности и надежности данных, потому что даже в рамках национальных опросов самые, казалось бы, обыденные понятия могут восприниматься респондентами не вполне в контексте заданных социологами эмпирических индикаторов. Яркий пример тому – исследования субъективного благополучия (международные рейтинги стран по уровню счастья) (см., напр. [10; 11; 27]): неоднозначные результаты массовых опросов заставляют исследователей контекстуализировать эти данные объективными экономическими показателями (см., напр. [9]), даже признавая, что они не отображают реальную социально-экономическую ситуацию (в частности, уровень неравенства и последствия экономических решений для окружающей среды). Однако и экономические показатели оказываются недостаточными, хотя их проще всего «мониторить» (многие статистические данные находятся в открытом доступе): «оценки мироощущения, несмотря на их неизбежный субъективизм, часто имеют больше общего с жизнью реальных людей, чем “сухая” экономическая статистика» [12, с. 18].

Получается, что сравнительные проекты дополняют объективные экономические показатели опросными данными (или, наоборот, контекстуализируют последние статистическими параметрами), что обеспечивает не качественно-количественный «интерфейс» исследований, а лишь сочетание разных типов данных. Сельско-социологические мониторинги идут по тому же пути, но этого недостаточно для понимания особенностей сельской жизни. Так, в рамках мониторинга состояния сельских территорий, разработанного Департаментом развития сельских территорий Минсельхоза России и Центром развития сельских террито-

рий и рынка труда ВНИИЭСХ [13; 14], было проведено пять волн обследований по единой тематической структуре статистического и социологического сбора и анализа данных, что позволяет проводить интегральную оценку дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития. Четыре волны опирались на данные статистических наблюдений и результаты выборочных обследований бюджетов домохозяйств, а в 2018 году был проведен телефонный опрос сельских жителей [15], который зафиксировал весьма оптимистичную (в свете нынешних алармистских оценок состояния села) структуру реальной занятости сельских респондентов – трудоустроенные (48 %), пенсионеры (43 %) и безработные (6 %), хотя здесь наблюдаются значимые, но предсказуемые гендерные различия (среди мужчин трудоустроено 63 %, среди женщин – 38 %, каждая вторая сельская жительница – пенсионерка, среди мужчин пенсионеров – 28 %).

Большинство трудоустроенных – наемные работники (89 %), на себя (фермер или предприниматель) работает 12 %. По месту проживания работает 64 % трудоустроенных (73 % женщин против 54 % мужчин), каждый третий вынужден работать в ближних населенных пунктах (чаще мужчины), каждый десятый – в других регионах, видимо, вахтовым методом, и такие показатели трудовой миграции говорят об отсутствии в месте проживания либо работы как таковой, либо работы по специальности, либо нормально оплачиваемой работы. Сельские жители Северо-Западного, Уральского, Сибирского и Дальневосточного округов реже работают в ближних населенных пунктах (25, 17, 24 и 23 %) – здесь выше доли тех, кто уезжает на заработки в другие регионы (по 13 %, кроме 6 % в Сибирском округе). 63 % опрошенных (а не трудоустроенных) согласны с тем, что в их городе/селе нет работы по их специальности/квалификации, однако это не заставляет сельских респондентов планировать переезд в город (70 %), что, вероятно, говорит о стабилизации социально-демографического состава сельского населения (учитывая доли пенсионеров и занимающихся домашним хозяйством, отказ от переезда в город может означать объективную невозможность это сделать).

Наличие высшего образования не стало значимым дифференцирующим фактором по большинству критериев оценки состояния сельских территорий и образа жизни, но среди имеющих высшее образование выше показатель занятости (57 % против 44 %), меняется ее характер – чаще имеют постоянную работу (97 % против 89 %), а не временную, и чаще работают не по месту проживания, а в ближайших населенных пунктах (35 % против 28 %). Среди трудоустроенных представителей старшего поколения почти в два раза больше тех, кто работает на себя (владелец бизнеса, индивидуальный предприниматель или фермер) –

каждый пятый против каждого десятого в группе 18–39-летних, которые преимущественно работают не по месту проживания (каждый второй), а в ближайших населенных пунктах (38 % против 27 и 20 %) и даже в других регионах (16 % против 8 и 4 %) (рис. 1).

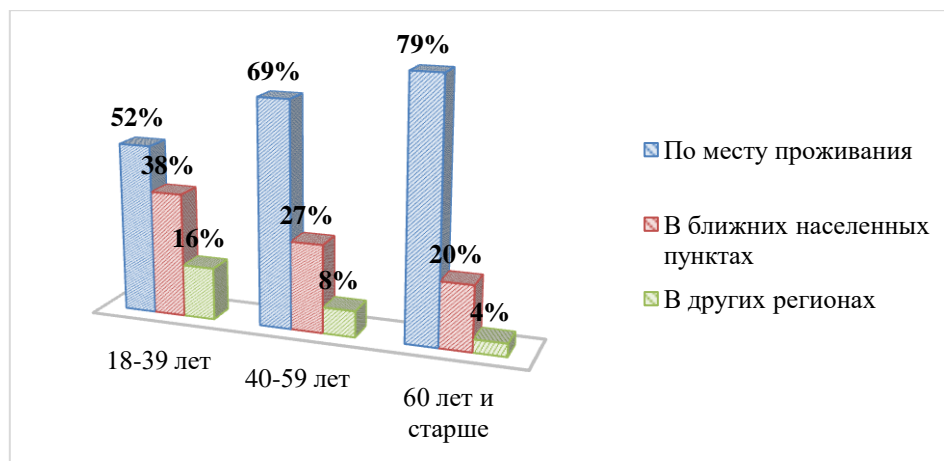

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Вы работаете по месту своего проживания, в ближних населенных пунктах или в других регионах?» по возрасту респондентов

Конечно, проблемы сельских территорий не исчерпываются трудностями (достойного) трудоустройства: каждый второй оценивает состояние дорог в своем районе как плохое (50 %), и в наибольшей степени не удовлетворены состоянием дорог сельские жители Северо-Западного, Дальневосточного и особенно Сибирского округа (свыше 60 %). И наибольшую неудовлетворенность благоустройством поселений также высказали сельские респонденты в Северо-Западном, Дальневосточном и Сибирском округах. В Северо-Западном округе самый низкий показатель отметивших улучшения в доступности медицинского обслуживания, ниже, чем в среднем по выборке, доля отметивших улучшения в сфере торгового обслуживания, самая низкая заинтересованность – в потребительской кооперации, один из самых низких показателей пешей доступности средней (начальной) школы и медпункта/больницы и один из самых высоких показателей неудовлетворенности работой местных властей по решению проблем поселений. Результаты опроса разделили федеральные округа на три условные группы: в Северо-Западном и Центральном округах большинство сельских жителей признают наличие дачников в их поселениях (около 75 %), в Приволжском, Уральском и Дальневосточном округах их упоминает каждый второй, в Северо-Кавказском, Сибирском и Южном округах – примерно каждый третий (рис. 2).

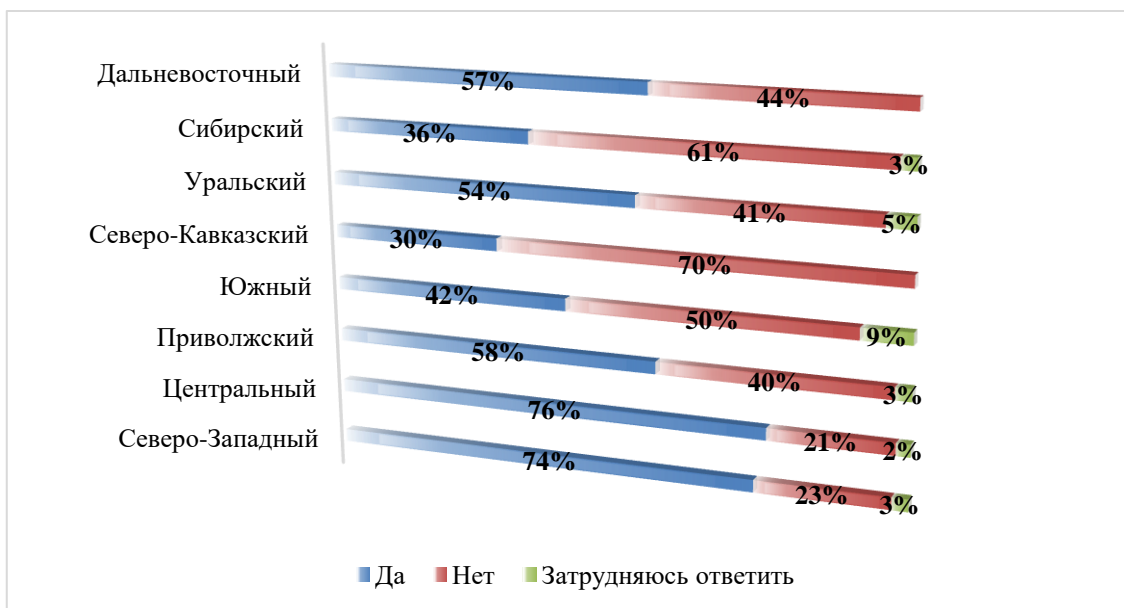

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Есть ли в вашем населенном пункте дачники?» по федеральным округам

Таким образом, телефонный опрос, с одной стороны, вполне ожидаемо подтвердил сохраняющийся разрыв в уровне жизни между селом и городом, но, с другой стороны, неожиданно обнаружил весьма высокие показатели занятости сельского населения, пусть и не всегда в месте проживания. Лидерами по большинству негативных характеристик сельского развития в их маргинально-периферийном значении оказались Дальневосточный, Сибирский и Северо-Западный округа – в этом смысле опрос подтвердил статистически фиксируемую и устойчивую в общественном мнении картину сельского запустения (безработица, разрушающаяся/слабая социальная инфраструктура, финансово бессильные местные власти, миграционный отток молодежи и т. д.) в регионах Нечерноземья, но тогда не вполне понятны оптимистичные показатели сельской занятости. Фактически здесь возникает «социальный заказ» на качественные мониторинги, т. е. не на дополнение статистических данных результатами массовых опросов, а на этнографический анализ тех повседневных сельских реалий, из которых складываются макро-социологические описания ситуации на сельских территориях. Речь идет о тактике кейс-стади (см., напр. [20; 24; 25]), для которой характерно совмещение процедур сбора и анализа данных, сочетание множества источников информации (статистические показатели, семейные бюджеты, включенное наблюдение, полужформализованные интервью, биографический метод), отказ от репрезентативной выборки в пользу социальной «типичности» и «симптоматики» и от попыток сформулировать универсальные закономерности в пользу «плотного» описания с развернутыми цитатами из повествований информантов (см., напр. [6; 19]).

Яркий пример такого подхода – реализуемое при поддержке РФФИ исследование «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья» (2018–2020). Оно является повторным кейс-стади по отношению к проектам, которые были реализованы почти пятнадцать лет при поддержке РГНФ («Руководители среднего и низшего уровней государственного и экономического управления в условиях кардинальных экономических и политических реформ» и «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материале Северо-западного региона)» в 2005–2008 гг.) на тех же территориях Нечерноземья в Северо-Западном федеральном округе (см. [3; 4; 8]), что традиционно относятся к зоне рискованного земледелия. Соответственно, «кейсы» в этих проектах имеют «критический» характер – это самые сложные «типы» сельских территорий, результаты изучения которых можно лишь с известными ограничениями эксплицировать на прочие сельские регионы, но, с другой стороны, если в «критических» случаях обнаруживаются позитивные тенденции, то можно делать оптимистичные прогнозы в отношении прочих сельских районов. Гайд интервью включал в себя широкий спектр тематик, раскрываемых через биографические нарративы и экспертные оценки, чтобы рассмотреть факторы воспроизводства сельских предпринимателей и местных властных элит, а также тенденции изменений их состояния и форматов взаимодействия с другими социальными акторами, поэтому полученные данные позволяют понять те тренды сельской трудовой занятости и стабилизации численности сельского населения, что были обнаружены благодаря репрезентативному телефонному опросу (см., напр. [2; 5]).

Повторные кейс-стади показали две тенденции в развитии сельских территорий: в середине 2000-х гг. состав властных структур в сельских муниципалитетах радикально изменился – они утратили способность диктовать условия промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, лишились целого ряда полномочий и остались практически без финансирования (новые сельхозпредприятия не спешили или не имели возможности взять на баланс сельскую «социалку»), что ускорило процесс развала сельского хозяйства в условиях становления рыночной экономики и стихийной приватизации и усугубило и без того плачевное положение сельских территорий. Все это порождало у сельского населения депрессивно-пессимистичные настроения, усугубляемые ощущением полной заброшенности со стороны государства, однако сельские предприниматели сохраняли определенный оптимизм, подкрепляемый патриотическим настроем (любовью к малой родине). В конце 2010-х гг. ситуация изменилась: при сохранении общего пессимистичного настроения сельские территории стали значительно более дифференцированным пространством – здесь возникли очаги развития социального капитала в

основном за счет когорты новых сельских предпринимателей, которые, как правило, продолжают дело своих родителей, сохраняя созданные ими сельхозпредприятия, в том числе с помощью государственной поддержки. В значительной степени становлению нового сельского предпринимательского слоя способствовали и новые технологии: сегодня сельское хозяйство не требует большого числа работников, поэтому даже одна фермерская семья может выполнять практически весь объем сельскохозяйственных работ без наемной рабочей силы.

Конечно, речь идет лишь о сломе прежнего негативного тренда на сжатие освоенных сельских территорий, а не об устойчивой позитивной тенденции форсированного социально-экономического развития села за счет местной предпринимательской инициативы, поскольку все те проблемы, на которые десятилетиями жалуются сельские предприниматели (за исключением крупнейших агрохолдингов), до сих пор не решены или сняты лишь частично (законодательство о земле, сбыт продукции, кадры и качество человеческого капитала, слабость местной власти, неразвитая социальная и транспортная инфраструктура, государственная поддержка и пр.). Тем не менее, местный предпринимательский слой вносит огромный вклад в сохранение сельских поселений: *«У нас четыре хозяйства, в среднем у них зарплата где-то 33–35 тысяч, и мы ими гордимся. Мы если получаем субсидий, наверное, грубо около 40 миллионов, из них 24–26 миллионов хозяйства платят прямых налогов, нет никакой утайки. И вот эти 167 человек выплачивают своим трудом государству 24–26 миллионов налогов... Такая маленькая кучка народа в таких сложных условиях... Сельскохозяйственный труд своеобразен: мы когда еще все спим, они уже доят коров, пекари пекут хлеб, где-то на сельскохозяйственном производстве уже все работают... У них рабочий день непрерывный, они и в обед остаются, и вечером уходят. Это позитивные, крепкие, душой красивые люди. Я их всех очень уважаю. У них, понимаете, жалоб таких нет, как порой у обыкновенного человека, они даже не считают, что это какой-то негатив. У них одно: надоить побольше, накормить получше. Детей они все учат тоже по стране, и у всех дети, у кого подходит время, кончают высшие учебные заведения. Но только жаль, конечно, назад, повторить рабочий путь мамы или папы, возвращается очень мало».*

Новый мелкий и средний предпринимательский слой развивается и расширяется, сотрудничая с местными администрациями, чтобы получить государственную и региональную поддержку: *«Я вот, знаете, хочу сказать: быстро сказка сказывается, но не быстро дело делается. Так вот и в развитии сельского хозяйства... Все это сделали люди, ...и доярки, и животноводы, и руководители, и, конечно, под руководством руководителя нашего района. А теперь на сегодня современное у нас животноводство. Высокий уровень у нас, у них хорошая зарплата, у доярок 40–45 тысяч. Ежегодно мы проводим конкурсы мастеров жи-*

вотноводства, операторов машинного доения, техников по искусственному осеменению и операторов по выращиванию молодняка, т. е. повышаем постоянно квалификацию кадров. И за счет этого нижнего звена, и за счет умелого руководства мы стабильно держим производство... Единственное, вот последние два года экономика, конечно, немножко начинает хромать: ...резко упала цена на молоко, Меркурий ввели, ограничения ввели. Он не помешал нам чисто сам Меркурий, а вот эта волокита, оформление, и цена упала на молоко буквально на два рубля. Это не плюс нашей экономике. Но, несмотря на все трудности, у хозяйств большой производственный задел, и они справляются пока что с данной ситуацией».

«В городе проще и легче начать свой бизнес, возможностей больше. У нас, в сельской местности, этот вопрос очень сложный, поэтому мы рады всем, кто собирается или начинает предпринимательскую деятельность, и помогаем им. И у нас в районе мы сохранили такой вид поддержки, как субсидии начинающим предпринимателям на развитие собственного бизнеса. Сумма, конечно, небольшая, порядка 285 тысяч, на развитие бизнес-планов, но это хоть какая-то стартовая площадка... Мы считаем, что в течение года-двух нужно как-то поддержать человека, чтобы потом из него что-то выросло. Какой-то толчок для развития предпринимательства должен быть, но при этом человек должен понимать, что он на выходе хочет иметь... Наши предприниматели – это доходы нашего бюджета, наши торговые места, наши люди, которые живут в нашем районе. Это люди, которые вкладывают свои доходы в наш же район, а не вывозят их в другие регионы».

Предприниматели поддерживают экономику и социальную инфраструктуру села прежде всего финансово – создают рабочие места, пополняют местные бюджеты, восполняют социально-демографические потери местных сообществ, привлекая на работу молодежь из соседних районов, помогают строить жилье для молодых специалистов, спонсируют местные праздники и муниципальные работы деньгами, техникой и работниками и т. д. С одной стороны, сельские предприниматели ведут себя совершенно рационально, когда, как их предшественники советского периода, вкладывают часть оборотных средств и прибыли в сохранение и развитие инфраструктуры и социального капитала поселений, потому что, тем самым, обеспечивают себя трудовыми ресурсами, причем большую часть добровольно-вынужденных обязательств перед сельскими муниципалитетами предприниматели выполняют неформальным образом, выстраивая устойчивые взаимоотношения с их главами. С другой стороны, поведение предпринимателей оказывается не столь капиталистически-рациональным, потому что они альтруистично делают сильный долгосрочный вклад в сохранение и преумножение социального капитала села в духе «теории малых дел» (см., напр. [7]) – альтруи-

стических коммунитарных идей по мирному повседневному преобразованию сельской жизни на локальном уровне, что, в конечном счете (возрождение депрессивных провинциальных пространств, забытых государством и рынком), будет выгодно и самим предпринимателям (развитие бизнеса и комфортные условия повседневной жизни). *«Нельзя же так смотреть – мы будем заниматься только выгодными вещами, а все, что убыточное, отставлять. Тогда и то, что выгодно, в конце концов отвалится. Поэтому мы занимаемся сами свалками, чистим, разгребаем и денег на этом не зарабатываем... Все, что касается дров, чистки дорог, проведения мероприятий, я лично являюсь соучредителем фестиваля, спортивных мероприятий. В этом плане мы, предприниматели, главы сельхозпредприятий, во всем участвуем, во всем стараемся помочь и содействовать, если есть инициативные, мы их всегда поддерживаем».*

Вот как показательно характеризует свой жизненный настрой местный предприниматель: *«Как говорится, рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. Так вот, мне здесь реально лучше, потому что мы же в суете своей реально не видим, что лучше... Я приезжаю в город, у меня такое ощущение, что я могу 4–5 дней вообще просто вкалывать, не спать, не есть – классно, на подъеме. Потом приезжаю домой, и два дня у меня такой отходняк, будто бы меня выпили... Я, когда сюда приехал, вот реально, хоть лужи целуй, так мне все здесь прекрасно. Вообще всем я рад, и люди у меня замечательные... Мне здесь действительно намного лучше. Если мне даже хочется – выехал на день в Вологду, походил и все... Дочка учится первый год в городе, ее от города пока воротит... И глава района у нас сильный достаточно, вдумчивый, пытается на месте что-то делать. Я к нему отношусь с уважением... Хотя, я думаю, его скоро позовут в область куда-то. Можно слинять на более, может быть, комфортное место, но, дай бог, чтоб осталось сознание все-таки здесь работать... Жить-то у нас можно – и земли полно, и пространство».*

Таким образом, социологические мониторинги развития сельских территорий стали вполне распространенной исследовательской практикой, но выполняют обычно вспомогательно-иллюстративную функцию по отношению к статистическим данным, а потому редко оказываются в центре методических дискуссий, тогда как массовые опросы, напротив, часто ставятся под сомнение по критериям методической оснащенности и надежности работы интервьюеров. Вместо бесконечных и вряд ли имеющих завершение споров о том, кто виноват в прогностических провалах массовых опросов и что делать с политической ангажированностью руководителей социологических центров и/или безответственностью и недостаточной подготовкой интервьюеров, представляется оправданным поиск вариантов разумного сочетания качественно-количественных методических решений, когда обращение к «мягким»

методикам полевой работы позволяет уточнить и проверить масштабные социологические обобщения. Так, опора на статистические данные и результаты опросов общественного мнения позволяет контекстуализировать локальные полевые исследования и скорректировать интерпретации затухания и возрождения предпринимательской активности в сельских районах. Кроме того, качественные мониторинги помогают реконструировать и отследить изменения субъективного измерения макроэкономической картины, например, показывая, как неэффективность формальных социально-экономических институтов (хорошо улавливается количественными показателями) компенсируется инструментами неформальной экономики (сети взаимной поддержки и альтруистичной взаимопомощи, формы и мотивы низовой мобилизации в социально-экономических и культурно-просвещенческих целях и тому подобное могут быть описаны только с помощью «мягких» методик исследовательской работы).

Литература

1. *Андреенкова А.В.* Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. № 3.
2. *Божков О.Б.* Семейное предпринимательство на селе: штрихи к портрету // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2019. Т. 19. № 4.
3. *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // Крестьяноведение. 2017. Т. 2, № 1.
4. *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Российский сельскохозяйственный предприниматель: формирование и воспроизводство социальной группы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Вып. 10. М., 2015.
5. *Божков О.Б., Троцук И.В.* Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2018. Т. 18, № 4.
6. *Бэнфилд Э.* Моральные основы отсталого общества. М., 2019.
7. *Зверев В.В.* Отголоски «теории малых дел» в начале XX в. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2016. Т. 15, № 1.
8. *Игнатова С.Н.* Трудовая биография как объект исследования // Социологический журнал. 2016. Т. 22, № 4.
9. *Кислицына О.А.* Измерение качества жизни/благополучия: международный опыт. М., 2016.
10. *Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И.* Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социологические исследования. 2016. № 1.

11. *Кученкова А.В., Татарова Г.Г.* «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8.
12. *Латова Н.В.* Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 – год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3.
13. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2015 году: ежегодный доклад по результатам мониторинга / отв. *В.П. Свеженец, А.Г. Папцов, Л.В. Бондаренко*. М., 2017. Вып. 3.
14. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2016 году: ежегодный доклад по результатам мониторинга / отв. *В.П. Свеженец, А.В. Петриков*. М., 2018. Вып. 4.
15. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2017 году: ежегодный доклад по результатам мониторинга / отв. *Н.И. Шагайда, Р.Г. Янбых, В.Я. Узун* [и др.]. М., 2019. Вып. 5.
16. *Рогозин Д.М., Ипатов А.А., Галиева Н.И.* Стандартизированное (телефонное) интервью. М., 2018.
17. *Рогозин Д.М., Картавцев А.А., Галиева Н.И., Вьюговская Е.В.* Методический аудит массового опроса. М., 2016.
18. *Сваффорд М.С., Косолапов М.С., Козырева П.М.* Международные стандарты оценки качества социологических обследований // Мир России. 1999. Т. 8, № 1-2.
19. *Тросби Д.* Экономика и культура. М., 2018.
20. *Троцук И.В.* Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2007. № 4.
21. *Троцук И.В., Никулин А.М., Вегрен С.* Трактовки и способы измерения продовольственной безопасности в современной России: дискурсивные и реальные противоречия // Мир России. 2018. Т. 27, № 1.
22. *Троцук И.В., Савельева Е.А.* Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2015. № 4.
23. *Шагайда Н.И., Узун В.Я., Никулин А.М.* и др. Мониторинг состояния продовольственной безопасности России в 2014–2016 гг. М., 2019.
24. *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые исследования. СПб., 2009.
25. *Creswell J.W.* Qualitative Inquiry and Research Design: Choosing Among Five Approaches. Thousand Oaks, 2013.
26. *Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J.* Measurement equivalence in cross-national research // Annual Review of Sociology. 2014. № 40.
27. *Dodge R., Daly A.P., Huyton J., Sanders L.D.* The challenge of defining well-being // International Journal of Well-Being. 2012. Vol. 2. № 3.

28. *Erzerberger C., Prein G.* Triangulation: Validity and empirically based hypothesis construction // *Quality and Quantity*. 1997. № 31.
29. *European Social Survey* // URL: <http://www.ess-ru.ru>.
30. *Green E.C.* Can qualitative research produce reliable quantitative findings? // *Field Methods*. 2001. Vol. 13. № 1.
31. *Jick T.D.* Mixing qualitative and quantitative methods: Triangulation in action // *J. Van Maanen (Ed.). Qualitative Methods*. Beverly Hills, 1983.
32. *Mayer-Schonberger V., Cukier K.* *Big Data: A Revolution that will Transform How We Live, Work and Think*. Boston, 2013.
33. *Patton M.Q.* Two decades of developments in qualitative inquiry // *Qualitative Social Work*. 2002. Vol. 1. № 3.
34. *Voils C.I., Sandelowski M., Barroso J., Hasselblad V.* Making sense of qualitative and quantitative findings in mixed research synthesis studies // *Field Methods*. 2008. Vol. 20. № 3.
35. *World Values Survey* // URL: <http://www.worldvaluessurvey.org>.

Literatura

1. *Andreenkova A.V.* Mezhsranovye sravnitel'nye issledovanija v social'nyh naukah: metodologija, jetapy razvitija, sovremennoe sostojanie // *Mir Rossii*. 2011. № 3.
2. *Bozhkov O.B.* Semejnoe predprinimatel'stvo na sele: shtrihi k portretu // *Vestnik RUDN. Ser. Sociologija*. 2019. T. 19. № 4.
3. *Bozhkov O.B., Ignatova S.N.* Regional'nye praktiki vzaimodejstvija biznesa i vlasti (na primere Severo-Zapada RF) // *Krest'janovedenie*. 2017. T. 2, № 1.
4. *Bozhkov O.B., Ignatova S.N.* Rossijskij sel'skohozjajstvennyj predprinimatel': formirovanie i vosproizvodstvo social'noj gruppy // *Krest'janovedenie: Teorija. Istorija. Sovremennost'*. Vyp. 10. M., 2015.
5. *Bozhkov O.B., Trocuk I.V.* Tendencii razvitija sel'skih rajonov Rossii: postanovka issledovatel'skoj zadachi i pervye rezul'taty povtornogo kejs-stadi // *Vestnik RUDN. Ser. Sociologija*. 2018. T. 18, № 4.
6. *Bjenfild Je.* *Moral'nye osnovy otstalogo obshhestva*. M., 2019.
7. *Zverev V.V.* Otgoloski «teorii malyh del» v nachale HH v. // *Vestnik RUDN. Ser. Istorija Rossii*. 2016. T. 15, № 1.
8. *Ignatova S.N.* Trudovaja biografija kak ob#ekt issledovanija // *Sociologicheskij zhurnal*. 2016. T. 22, № 4.
9. *Kislicyna O.A.* *Izmerenie kachestva zhizni/blagopoluchija: mezhdunarodnyj opyt*. M., 2016.
10. *Kozyreva P.M., Nizamova A.Je., Smirnov A.I.* Schast'e i ego determinanty (stat'ja 2) // *Sociologicheskie issledovanija*. 2016. № 1.
11. *Kuchenkova A.V., Tatarova G.G.* «Jetap zhiznennogo cikla» kak determinanta sub'ektivnogo blagopoluchija lichnosti // *Sociologicheskie issledovanija*. 2019. № 8.

12. *Latova N.V.* Udovletvorennost' rossijan zhizn'ju vo vremja krizisa: 2015 – god bifurkacii // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2016. № 3.
13. O sostojanii sel'skih territorij v Rossijskoj Federacii v 2015 godu: ezhegodnyj doklad po rezul'tatam monitoringa / otv. *V.P. Svezhenec, A.G. Papcov, L.V. Bondarenko*. M., 2017. Vyp. 3.
14. O sostojanii sel'skih territorij v Rossijskoj Federacii v 2016 godu: ezhegodnyj doklad po rezul'tatam monitoringa / otv. *V.P. Svezhenec, A.V. Petrikov*. M., 2018. Vyp. 4.
15. O sostojanii sel'skih territorij v Rossijskoj Federacii v 2017 godu: ezhegodnyj doklad po rezul'tatam monitoringa / otv. *N.I. Shagajda, R.G. Janbyh, V.Ja. Uzun* [i dr.]. M., 2019. Vyp. 5.
16. *Rogozin D.M., Ipatova A.A., Galieva N.I.* Standartizirovannoe (telefonnoe) interv'ju. M., 2018.
17. *Rogozin D.M., Kartavcev A.A., Galieva N.I., V'jugovskaja E.V.* Metodicheskij audit massovogo oprosa. M., 2016.
18. *Svafford M.S., Kosolapov M.S., Kozyreva P.M.* Mezhdunarodnye standarty ocenki kachestva sociologicheskikh obsledovanij // Mir Rossii. 1999. T. 8, № 1-2.
19. *Trosbi D.* Jekonomika i kul'tura. M., 2018.
20. *Trocuk I.V.* Vozmozhnosti metoda kejs-stadi v izuchenii social'nyh problem sela // Vestnik RUDN. Ser. Sociologija. 2007. № 4.
21. *Trocuk I.V., Nikulin A.M., Vegren S.* Traktovki i sposoby izmerenija prodovol'stvennoj bezopasnosti v sovremennoj Rossii: diskursivnye i real'nye protivorechija // Mir Rossii. 2018. T. 27, № 1.
22. *Trocuk I.V., Savel'eva E.A.* Sravnitel'nye issledovanija cennostnyh orientacij: vozmozhnosti, ogranichenija, logika razvitija // Vestnik RUDN. Ser. Sociologija. 2015. № 4.
23. *Shagajda N.I., Uzun V.Ja., Nikulin A.M.* i dr. Monitoring sostojanija prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii v 2014–2016 gg. M., 2019.
24. *Shtejnberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A.* Kachestvennye metody. Polevye issledovanija. SPb., 2009.
25. *Creswell J.W.* Qualitative Inquiry and Research Design: Choosing Among Five Approaches. Thousand Oaks, 2013.
26. *Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J.* Measurement equivalence in cross-national research // Annual Review of Sociology. 2014. № 40.
27. *Dodge R., Daly A.P., Huyton J., Sanders L.D.* The challenge of defining well-being // International Journal of Well-Being. 2012. Vol. 2. № 3.
28. *Erzerberger C., Prein G.* Triangulation: Validity and empirically based hypothesis construction // Quality and Quantity. 1997. № 31.
29. European Social Survey // URL: <http://www.ess-ru.ru>.
30. *Green E.C.* Can qualitative research produce reliable quantitative findings? // Field Methods. 2001. Vol. 13. № 1.

31. *Jick T.D.* Mixing qualitative and quantitative methods: Triangulation in action // J. Van Maanen (Ed.). *Qualitative Methods*. Beverly Hills, 1983.
32. *Mayer-Schonberger V., Cukier K.* *Big Data: A Revolution that will Transform How We Live, Work and Think*. Boston, 2013.
33. *Patton M.Q.* Two decades of developments in qualitative inquiry // *Qualitative Social Work*. 2002. Vol. 1. № 3.
34. *Voils C.I., Sandelowski M., Barroso J., Hasselblad V.* Making sense of qualitative and quantitative findings in mixed research synthesis studies // *Field Methods*. 2008. Vol. 20. № 3.
35. World Values Survey // URL: <http://www.worldvaluessurvey.org>.

